

УДК 947.084

Лесной фонд Саратовской губернии в 1920-е годы

Е. В. Воейков

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, доцент кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки», Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, evgenijvoeikov@yandex.ru

В статье преимущественно на основе архивных материалов исследуется состояние лесного фонда Саратовской губернии в годы новой экономической политики. Приводятся сведения о площади лесов губернии и степени обеспеченности населения лесными материалами. Рассматривается борьба с пожарами и насекомыми-вредителями леса. Наиболее подробно исследована проблема незаконных порубок. Проанализированы причины, которые вызывали массовые хищения леса местным населением. Доказывается, что условия труда и быта служащих лесничеств в 1920-е гг. не позволяли проводить эффективную борьбу с незаконной вырубкой леса. Показаны динамика и результативность мероприятий по восстановлению лесных площадей.

Ключевые слова: лесной фонд, лесозаготовки, посадки леса, самовольные порубки, лесная стража.

The Forest Fund of the Saratov Province in the 1920s

E. V. Voeikov

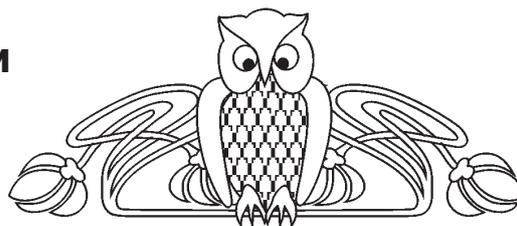
Evgenij V. Voeikov, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, Penza Subsidiary of Financial University under the Government of the Russian Federation, 33B Kalinina Str., Penza 440031 Russia, evgenijvoeikov@yandex.ru

The condition of forest Fund of the Saratov province in the years of new economic policy on the basis of archival materials is investigated in the article. Some data on the area of the woods of the province and degree of cover of the population with forest materials are provided. The article examines the fight against fires and pests of the forest. The problem of illegal cuts has been studied in detail. The reasons that caused massive forest theft by the local population are analyzed. It is proved that working and living conditions of forest officials in the 1920s did not allow effective combat of illegal logging. The dynamics and effectiveness of measures to restore forest areas are shown.

Keywords: forest fund, timber harvesting, forest planting, unauthorized cuts, forest guards.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-116-121>

В 1990–2000-е гг. в отечественной исторической науке наметилась тенденция к формированию отдельного направления исследований, анализирующего историческую эволюцию освоения лесных ресурсов¹. Чаще всего внимание специалистов привлекали наиболее лесные регионы России². История лесного хозяйства Поволжья на сегодняшний день является слабо изученной темой.

Внимание региональных исследователей социально-экономической истории Среднего и Нижнего Поволжья первой половины XX в. в последние десятилетия привлекают, в частности, история крестьянства и кооперации, состояние провинциального общества в годы Первой мировой войны, лагерей ГУЛАГа³. Менее интенсивно разрабатывается история индустриализации⁴. Развитие лесного хозяйства в XX в. как Поволжья в целом, так и Саратовской области в частности не получило должного отражения в работах историков, имеются только отдельные публикации. Так, в монографии В. С. Тонких дан краткий очерк основных этапов политики по эксплуатации и охране лесов Мордовской АССР. Состояние лесного фонда Мордовской АССР было также рассмотрено в диссертации Е. И. Денискина⁵.

Значительные по площади лесные массивы Татарии, Чувашии и отдельных уездов Симбирской губернии постепенно к югу переходили на территории Пензенской и Самарской губерний в лесостепь, а в южной и юго-восточной частях Самарской и Саратовской губерний – в степь. Подобные природные условия делали леса на территории Поволжья особо ценным природным и хозяйственным ресурсом. Поволжье по запасам лесов было «малолесным».

В Саратовской губернии площадь лесов в 1920-е гг. превышала 800 тысяч га. Лесистость, то есть отношение лесной площади ко всей площади губернии, равнялась 11%. По отдельным частям губернии этот параметр колебался от 32% в Кузнецком уезде до 4% в Камышинском уезде⁶.

По данным середины 1920-х гг., наилучшую обеспеченность лесом городского и сельского населения в Европейской России имели Карельская АССР – 33,6 га на душу населения, Уральская область – 6,1 га. В Ульяновской губернии данный показатель составлял 0,6 га. В Средне-Волжском районе, включавшем Пензенскую, Самарскую, Ульяновскую губернии, на одного человека приходилось 0,4 га удобной лесной площади, в Саратовской губернии – 0,27 га⁷. В Поволжье на каждый крестьянский двор для обеспечения потребности в строительных материалах и топливе должно было приходиться несколько га лесной площади. Таким образом, даже в относительно богатой, по меркам Поволжья, лесами Ульяновской губернии обеспеченность лесом местного населения была недостаточной. В Саратовской губернии ситуация с удовлетворением потребностей местных жителей в древесине была неблагоприятной.

В сводке Саратовского губплана 1924 г. о лесном хозяйстве указывалось: «Почти все спелые насаждения в пределах 13-вёрстной полосы по обе стороны линии жел. дор. и сплавных рек вырублены. Вырублены все леса около крупных центров, как, например, около Саратова в 25-вёрстном радиусе»⁸. Саратовский лесовод Н. Н. Кураев в опубликованной статье проанализировал эффективность постановлений об охране леса: «Саратовский губисполком 12–13 августа 1920 года, в целях охраны леса от истребления, издал обязательное постановление, сурово карающее порубщиков. Он же обратился к населению с прекрасно написанным воззванием, прося беречь лес. Судя по результатам, ни воззвание, ни декрет успеха не имели – истребление лесов продолжалось. В чём же причина неуспеха? Русский крестьянин, как хлебопашец, искони враг леса: он всегда стремился превратить его в другой вид угодий – пашню, луг, пастбище. Поэтому к воззванию он остался глух. Что же касается декрета, то в жизнь он воплощён не был, у него не нашлось исполнителей: судьи не судили, милиция не взыскивала, стража не преследовала»⁹.

Значительный ущерб лесам нанесли в 1920–1921 гг. крупномасштабные пожары. В Саратовской губернии в 1920 г. пожаров было 320 на площади 4,7 тысячи десятин¹⁰; в 1921 г. – 495 на площади 12,2 тысячи десятин¹¹. В расположенных севернее Самарской и Симбирской губерниях в 1921 г. площадь пожаров достигала 28 и 25 тысяч десятин соответственно¹².

В результате проведённого комплекса противопожарных мероприятий в годы нэпа количество лесных пожаров в Саратовской губернии сократилось с 376 случаев на 2551 га в 1923/24 гг. до 94 случаев на 102 га в 1925/26 гг.¹³ В 1926/27 гг. пожаров насчитывалось только 35 случаев на площади 136 га¹⁴.

В лесах Поволжья в годы нэпа началось проведение телефонной связи для экстренных сообщений о пожарах. В частности, в Татарской АССР к началу 1927/28 гг. протяжённость телефонной сети в лесничествах составила 282 км¹⁵. В Самарской губернии в 1926 г. телефонизированы были восемь лесничеств Бузулукского Бора, линия была проложена на протяжении 108 км¹⁶. Саратовская губерния по данному показателю значительно отставала: в отчёте гублесзага за 1925/26 гг. отмечалось, что телефонная сеть в лесничествах отсутствовала¹⁷. Также строились пожарные вышки. Так, в лесах Самарской губернии в 1925/26 гг. их насчитывалось 12¹⁸. По данному показателю Саратовская губерния также отставала, по сведениям отчёта губернского лесного отдела (ГЛЮ) за 1925/26 гг. пожарных вышек было всего шесть¹⁹.

Наличие значительных площадей повреждённого пожарами леса в рассматриваемый период способствовало массовому распространению насекомых – вредителей леса. В сводке Саратовского губплана 1924 г. констатировалось: «После пожаров в неубранных гарях развивались в

большом количестве короеды, лубоеды и другие вредители леса, которые заражали здоровые насаждения»²⁰. В отчёте Саратовского ГЛЮ за 1925/26 гг. отмечалось: «Наибольшей силы процесс размножения вредителей достиг к моменту начала нэпа, когда в связи с почти полным упадком народного хозяйства ощущалась колоссальная депрессия в сбыте лесопродукции; лесной рынок начал формироваться и оживать лишь с 1924 г. Это обстоятельство не давало возможности развить работы по вырубке повреждённого леса, закладке ловчих деревьев, а также понуждению покупателей к выполнению основных правил лесохозяйственной санитарии»²¹. Наиболее опасными считались причинявшие вред хвойным насаждениям короеды и шелкопряд-монашенка. К концу 1926 г. лесная площадь, поражённая короедами, в Саратовской губернии достигала 11 тысяч га, в том числе сильно заражённой была одна тысяча га в Белореченском, Кузнецком, Чибирлейском лесничествах. Работниками ГЛЮ применялись такие средства борьбы, как снятие коры с заражённых деревьев и сжигание коры с яйцами вредителей. Также вредители лиственных насаждений – непарный шелкопряд, златогузка, дубовый шелкопряд, дубовая листовёртка – наблюдались в 1926 г. на площади 18 тысяч га, борьба с ними из-за недостатка средств не велась²².

Ещё одной причиной самовольных порубок было желание заработать на продаже незаконно добытых лесоматериалов. Саратовский лесовод Н. Н. Кураев писал в статье: «...безжалостно уничтожают лес главным образом не лица, нуждающиеся в топливе, а те сравнительно немногие, которые создали себе из этого доходный промысел. Достаточно побывать несколько раз на дровяных базарах, чтобы убедиться в этом»²³.

В отчёте Саратовского ГЛЮ за 1926/27 гг. отмечалось: «Причиной общего характера, вызывающей самовольные порубки, является недостаток древесины в значительной части губернии... Существует род промысла продажи краденого леса на рынки ближайших городов и населённых мест... Частными причинами порубок является: слабость аппарата лесной стражи количественно и качественно; текучесть стражи; недостаточное и несвоевременное преследование правонарушителей»²⁴.

Малочисленность лесной стражи также способствовала росту нарушений лесного законодательства.

По подсчётам ГЛЮ, в 1924 г. средняя величина закреплённой лесной площади составляла для лесной стражи лесничеств: у обходчика – 870 десятин, у объездчика – 4380 десятин. При этом подчёркивалось, что «нормальной величиной по условиям Саратовской губернии следует считать для объезда 2500 десятин, и для обхода 500 десятин»²⁵. Таким образом, саратовские обходчики были в среднем перегружены по сравнению с оптимальным объёмом работ на 57,5%, объездчики – на 43%.

Сами работники лесничеств осознавали недостаток работников для охраны леса. Например, на губернской профсоюзной конференции секции работников леса 15 февраля 1923 г. в постановлении по докладу о положении лесного хозяйства губернии было записано: «...2) признать необходимым расширение сети лесничеств до 50, увеличить штаты лесной стражи и технического персонала, сообразуясь с местными условиями»²⁶.

Вместо ожидаемого увеличения численности служащих лесничеств последовали так называемые «чистки» лесной стражи, что привело к уменьшению количества работников лесного хозяйства. На 1 октября 1923 г. численность персонала лесничеств России по сравнению с 1 октября 1922 г. сократилась: специалистов – на 12%, служащих – на 31%, лесной стражи – на 20%²⁷. В 1923/24 гг. произошло новое сокращение: в 34 губерниях и автономных областях было уволено лесников 6,7 тыс. (27,3% их количества), объездчиков – 1,7 тыс. (31,3%)²⁸. Кадровые чистки и сокращения лесной стражи проводились в русле кампаний борьбы за экономию государственных средств и удаления из рядов служащих «чуждых элементов». В частности, в постановлении губернской конференции Саратовского отдела профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих в феврале 1923 г. указывалось: «Произвести пересмотр состава работников леса в отношении целесообразности подбора их на основе усиления кадрового пролетарского элемента и удаления враждебных кулацких»²⁹. Специалисты лесного хозяйства выражали опасения и протестовали. Так, например, на совещании при лесном отделе Саратовского губземуправления в августе 1923 г. высказывалось соображение, что «лесная стража и администрация сокращены сверх меры»³⁰. Но голоса трезвомыслящих профессионалов услышаны не были. В Саратовской губернии в 1919 г. насчитывалось 2500 служащих лесничеств, к 1924 г. их осталось 1319; только за 1925/26 гг. количество объездчиков снизилось с 251 до 209 и лесников – с 900 до 800 человек³¹. Результаты плохо продуманной кампании сокращений не замедлили дать отрицательный результат. В годовом отчёте Саратовского ГЛЮ за 1925/26 гг. подчёркивалось, что на рост порубок повлияло проведение массовой «чистки» стражи в 1923 г.³²

Серьёзной проблемой для работников лесного хозяйства 1920-х гг. стал низкий размер заработной платы. Впервые эта проблема остро встала в годы Гражданской войны и продолжала существовать на протяжении всех 1920-х гг. В Саратовской губернии в 1923 г. имела место задержка зарплаты служащим лесничеств Кузнецкого уезда с октября 1922 г. по май 1923 г.³³

Неблагоустроенность и отсутствие в достаточном количестве жилья для работников лесничеств негативно отражались на охране лесов. Дома лесной стражи ещё в дореволюционный период отличались многочисленными недо-

статками³⁴. В годы Гражданской войны средства на ремонт и строительство новых домов для работников лесного ведомства не выделялись; в 1920-е гг. финансирование осуществлялось в недостаточных размерах. В Саратовской губернии на конференции месткомов и рабочкомов союза работников земли и леса в июне 1923 г. один из выступавших жаловался, что «караулки лесничеств более семи лет не ремонтируются, хозяйственных пристроек никаких нет, даже негде сложить небольшие запасы продуктов...»³⁵. На состоявшемся при лесном отделе губернского земельного управления в середине августа 1923 г. совещании констатировалось, что «лесные караулки и кордоны разрушены на 50–75 процентов»³⁶. В отчёте ГЛЮ за 1923/24 гг. указывалось, что обеспеченность квартирами работников лесничеств выражается в 55% необходимого; при этом подчёркивалось, что «из числа 650 наличных казённых построек около 75% негодны и требуют основательного ремонта»³⁷.

Жилищный вопрос в лесничествах Саратовской губернии в 1920-е гг. так и не был решён. В годовом отчёте ГЛЮ за 1926/27 гг. приводились следующие данные: в казённых квартирах размещались 49% лесничих и их помощников, 35% канцелярских служащих, 61% объездчиков и 57% лесников. При этом подчёркивалось: «...из кордонов для стражи, в коих она размещена, 34 совершенно непригодны даже и для капитального ремонта, 172 квартиры требуют капитального ремонта, 234 квартиры – текущего ремонта, и только 138 квартир можно считать вполне исправными»³⁸.

В статье о самовольных порубках в лесах Саратовской губернии была наиболее чётко сформулирована взаимосвязь расположения жилища работника лесной стражи и его отношения к охране леса: «Лесник, живущий в лесу в казённом кордоне, и лесник, живущий вне леса, в деревне, часто в своём доме, весьма различны как профессионалы. Первый с утра до глубокой ночи дни, месяцы и годы всегда находится в лесу. Лес своей жизнью действует на его психику, привлекает к себе, изошряет его слух и зрение и роднит себя с ним так, что он считает себя как бы неотъемлемой частью леса. Другое дело, лесник, живущий в обстановке деревни. Он – гость в лесу, вернувшись домой в деревню, он находится под другими впечатлениями и влияниями. Первый с уходом со службы переходит за порог кордона и теряет всё, а второй остаётся в своём доме и продолжает крестьянствовать»³⁹.

Сложные условия труда и быта в лесничествах в 1920-е гг. вызвали уход со службы значительного количества работников лесного хозяйства. Так, в Саратовской губернии в 1926/27 гг. стаж работы от года до пяти лет имели 53% объездчиков и 48% лесников; до одного года – 14% объездчиков и 27% лесников⁴⁰.

Усилило хищение лесных материалов местным населением выделение в середине 1920-х гг.

так называемых лесов местного значения (ЛМЗ). Планировалось, что переход этих лесных массивов в бесплатное и бессрочное пользование сельских обществ значительно упростит процедуру получения крестьянами лесных материалов. В губернских газетах в середине 1920-х гг. публиковались статьи, разъясняющие смысл выделения ЛМЗ. Например, саратовская газета писала: «...передавая лес в местные руки, государство говорит: «Обращайся с ним по-хозяйски, береги его, не расхищай...»⁴¹. Подобные призывы большей частью оставались безрезультатными. Крестьяне восприняли переданные им леса местного значения в качестве неожиданного подарка от государства и бесплатного источника строевого леса и дров, которые надо срочно заготовить и складировать у себя рядом с домом, пока власть не передумала и не отобрала лес обратно.

По данным Саратовского ГЛЮ, в Балашовском, Петровском, Сердобском и Аткарском уездах стража в ЛМЗ была «на 20% неграмотна, а в большинстве случаев малограмотна и, следовательно, совершенно неспособна к исполнению возложенных на неё обязанностей»⁴². В результате, по утверждению документа, «самовольные порубки» в ЛМЗ начали переходить «в сплошную незаконную вырубку переданного леса или же в изреживание насаждений дач путём выборки лучших деревьев на 40–70%»⁴³. Автор газетной заметки писал летом 1926 г.: «Леса местного значения вырубаются самым хищническим беспощадным образом нередко на глазах у сельсоветов... Причина кроется в том, что сторожа, нанимаемые обществом, получают крайне мизерное вознаграждение. Бывали случаи, когда при найме сторожей общество устраивало своего рода аукцион, кто согласится за более низкую плату охранять лес, того и нанимали. Поэтому в сторожа шли калеки, глухие и слабые старики, которые ничего не могли сделать с самовольными порубщиками»⁴⁴. В январе 1927 г. губернская газета сообщила: «Недавно гублесотдел обследовал состояние лесов местного значения. Выявили, что самовольные порубки не только не уменьшились, а увеличились. Происходит главным образом из-за того, что крестьянин смотрит на общественное имущество как на своё личное. Также слаба карательная политика. Штрафы зачастую бывают меньше стоимости срубленного дерева»⁴⁵.

В резолюциях второго пленума Саратовского губернского отдела союза работников земли и леса, проходившего в октябре 1923 г., подчёркивалось: «Губпленум считает, что невооружённость лесной стражи имеет своим следствием невозможность охранения ею в должной мере леса от самовольных порубок и повлекло за собою целый ряд случаев убийств хищниками леса лесной стражи при исполнении ими служебных обязанностей, а поэтому пленум признаёт необходимым поручить ГЛЮ принять немедленно

меры к вооружению лесной стражи»⁴⁶. В отчёте Саратовского ГЛЮ за 1923/24 г. указывалось, что за год произошло: «случаев убийств 7, ранений 4, избиений 15, неудавшихся покушений 11, поджогов 20»⁴⁷. В 1926/27 гг. случаев нападений на работников лесничеств было зафиксировано меньше, чем в первые годы нэпа. Избиты были трое, умер после избиения один, поджогов произошло шесть⁴⁸. Можно предположить, что на положительную динамику снижения криминальных насильственных действий в отношении лесной стражи повлиял возврат ей оружия в середине 1920-х гг. Впрочем, с вооружением работников лесничеств далеко не всё обстояло благополучно. В годовом отчёте ГЛЮ указывалось, что «вооружение стражи винтовками “Гра” вызывает массу нареканий ввиду громоздкости и тяжести винтовок, и необходимо перейти к более лёгкому типу вооружения»⁴⁹.

В силу вышеизложенных обстоятельств лесная стража просто не могла задержать всех порубщиков. В дореволюционный период количество неизвестных порубок определялось величиной 4%, в 1922 и 1923 гг. неизвестные порубки составляли 26,9 и 23,5%⁵⁰.

Если, несмотря на все неблагоприятные факторы, лесной страже всё же удавалось задержать лиц, осуществлявших незаконные порубки, оформить протоколы, передать дело в суд, то никакой гарантии привлечения нарушителей к ответственности не существовало. Например, в 1923/24 гг. в Петровском уезде из направленных в суд 2231 дела было рассмотрено только 387 дел⁵¹. В годовом отчёте Саратовского ГЛЮ за 1925/26 гг. приводилась статистика рассмотрения дел судами: за год было рассмотрено 8942 дела, вынесено 7539 обвинительных приговоров, 1403 оправдательных, 3047 было приведено в исполнение⁵². При анализе приведённой статистики, во-первых, вызывает недоумение значительное количество оправдательных приговоров (1403 или 15,7% общего количества дел). Во-вторых, нельзя не отметить, что количество приведённых в исполнение приговоров составило только 40,4% общего количества обвинительных приговоров. Но больше всего удручает итоговая строчка в отчётности по данному разделу: число дел, оставшихся нерассмотренными судами губернии, – 7304, что немногим меньше годового количества рассмотренных дел. В других губерниях и республиках Поволжья ситуация зачастую была ещё хуже, чем в Саратовской губернии. Так, по подчёркам Самарского лесного отдела, в 1924/25 гг. направили в нарсуды и волисполкомы 15447 дел о самовольных порубках, из которых было рассмотрено только 1470; в 1925/26 гг. из 20062 дел решения вынесли по 7152⁵³.

В результате указанных выше объективных факторов лесная стража не смогла защитить леса своей губернии от незаконной вырубке, достигавшей в отдельные годы значительных

размеров. В 1925 г. самовольные порубки составили 60,2 тыс. кубометров, в 1926 г. – 62,3 тыс., в 1927 г. – 42 тыс. кубометров⁵⁴. В расположенных севернее губерниях Поволжья ситуация в 1920-е гг. была ещё более неблагоприятной. Так, в Ульяновской губернии в 1923/24 гг. зафиксировали 10,5 тыс. случаев самовольных порубок с массой древесины 99,2 тыс. кубометров; в 1925/26 гг. – уже 13,2 тыс. случаев и 109,4 тыс. кубометров⁵⁵. В Самарской губернии самовольные порубки выросли с 12,1 тыс. случаев и 69,1 тыс. кубометров древесины в 1923/24 гг. до 17,5 тыс. случаев и 110,8 тыс. кубометров в 1924/25 гг.⁵⁶

Леса, которым был нанесён значительный ущерб в годы Гражданской войны и нэпа, требовали восстановительных мероприятий. В Саратовской губернии с 1910 г. по 1913 г. в среднем ежегодные посевы и посадки составляли только по казённым лесам 1155 га, вместе с бывшими удельными и частновладельческими лесами – 2500 га⁵⁷. В 1922–1927 гг. было посажено и посеяно 1739 га, то есть в среднем за год культивировалось только 289,8 га. Особенно трудно процесс лесовосстановления шёл в первые годы нэпа. Так, в 1922 г. было посеяно 34 га и посажено 114 га, всего 148 га; в 1923 г. – 13 и 58 га, всего 71 га. В 1924 г. эти показатели составили 70 и 95 га, всего 165 га⁵⁸. Между тем во второй половине 1920-х гг. ежегодно в Саратовской губернии вырубалось до 500 га только основных насаждений, которые естественным путём почти не возобновлялись⁵⁹.

В результате восстановить образовавшиеся за годы Гражданской войны и нэпа непокрытые лесом лесные площади не удалось. В Саратовской губернии в 1926/27 гг. вырубки, гари, пустыри занимали 27,9 тыс. га⁶⁰, что соответствовало 3,2% к общей площади лесов губернии (877 тыс. га). В соседней Пензенской губернии в 1927 г. площадь необлесившихся лесосек, пустырей и гарей достигла 21,9 тыс. га, что составляло к общей лесной площади в 950,1 тыс. га только 2,3%⁶¹. В примыкающей с севера к Саратовской Самарской губернии ситуация была гораздо хуже. По отчёту Самарского ГЛЮ за 1925/26 гг., в данной губернии имелось необлесившихся вырубок 24,5 тыс. га, гарей – 21,8 тыс., прогалин – 33,6 тыс. га; общая площадь пустырей равнялась 79,9 тыс. га⁶². С учётом того, что лесная площадь была 1 млн 92,6 тыс. га, пустыри занимали 7,3%.

Таким образом, несмотря на отдельные достижения, период нэпа стал для лесного хозяйства Саратовской губернии временем упущенных возможностей. В 1920-е гг. так и не удалось существенно улучшить условия труда и быта работников лесного хозяйства, провести в необходимом объёме комплекс лесовосстановительных мероприятий и прекратить массовые хищения леса. Улучшения ситуации удалось добиться только в конце 1930-х гг. после создания территориальных управлений лесоохраны⁶³.

Примечания

- 1 См.: Гусев Н. Н. История лесоустройства Российского. М., 1998; Двухсотлетие учреждения лесного департамента 1798–1998 : в 2 т. Т. 2 (1898–1998). М., 1998; Колданов В. Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. М., 1992; Писаренко А. И., Страхов В. В. Лесное хозяйство России : от пользования к управлению. М., 2004; Редько Г. И., Редько Н. Г. История лесного хозяйства России. М., 2002.
- 2 См.: Тихонов П. Т. Лесное хозяйство Чувашии в XX веке. Исторический опыт и уроки развития. Чебоксары, 2001; Юричев Е. Н. Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области. Вологда, 2009.
- 3 См., например: Белоусов С. В., Сухова О. А., Юдин С. О. Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны. Пенза, 2015; Власов В. А., Тишкина А. В. Выселение раскулаченных крестьян Пензенского края // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 338–344; Захарченко А. В., Репинецкий А. И. Узники Безымянлага : состав, трудовая деятельность (1940–1942 гг.) // Вестн. архивиста. 2006. № 4–5. С. 116–137; Семенова Е. Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.) : социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012; Ягов О. В. Власть и кооперация Поволжья в условиях нэповского эксперимента (организационный аспект) // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та имени В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1154–1157.
- 4 См., например: Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А. Подготовка рабочих кадров в Поволжье : проблемы и итоги. 1920-е – 1930-е годы. Пенза, 2004; Чолахян В. А. Индустриальная модернизация Саратовского края в годы второй пятилетки (1933–1937 годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 2, ч. 2. С. 114–120; Он же. Роль директивного государственного планирования в реализации советской модели индустриализации в 1920–1930 годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 180–186; Шарошкин Н. А., Кузьмина Т. Н. Спиртовая промышленность Поволжья. 1917–1932 гг. // Гуманитарные и общественные науки в XXI веке : состояние и перспективы развития : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О. В. Ягова. Пенза, 2015. С. 77–81.
- 5 См.: Денискин Е. И. Лесное хозяйство Мордовии в 1920–1950-е гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007; Тонких В. С. Леса Мордовии. Саранск, 1976. С. 66–73.
- 6 См.: Тенета И. Опыт статистического обследования порубок в Саратовской губернии // Нижнее Поволжье. 1924. № 7. С. 77.
- 7 См.: Природа, хозяйство, культура Ульяновской губернии. Ульяновск, 1927. С. 86; Селибер Б. И. Леса и лесная промышленность СССР. Т. 1. Леса СССР и их эксплуатация. Л., 1930. С. 148–149; Тенета И. Лесной фонд Нижне-Волжского края // Нижнее Поволжье. 1928. № 10. С. 81.
- 8 Работа Саратовского губплана // Нижнее Поволжье. 1924. № 2. С. 85.

- ⁹ Кураев Н. Н. Лес гибнет // Известия. Саратов. 1922. 14 января.
- ¹⁰ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1434. Л. 2 об.
- ¹¹ См.: Работа Саратовского губплана // Нижнее Поволжье. 1924. № 2. С. 85.
- ¹² См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 478. Оп. 9. Д. 1567. Л. 6 об.; Отчётный бюллетень Симбирского губернского исполнительного комитета Советов. К XI губернскому съезду Советов Симбирской губернии 15 августа 1921 г. Симбирск, 1921. С. 61.
- ¹³ См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 3017. Л. 39; Д. 4043. Л. 90 об.
- ¹⁴ Там же. Д. 4568. Л. 25.
- ¹⁵ См.: Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. Р-1255. Оп. 1. Д. 220. Л. 55.
- ¹⁶ См.: Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 4694. Л. 50.
- ¹⁷ См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 49.
- ¹⁸ См.: ЦГАСО. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 4694. Л. 50.
- ¹⁹ См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 49.
- ²⁰ Работа Саратовского губплана // Нижнее Поволжье. 1924. № 2. С. 85.
- ²¹ ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 43 об.
- ²² Там же. Л. 44–45.
- ²³ Кураев Н. Н. Указ. соч. 1922. 14 января.
- ²⁴ ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4568. Л. 25.
- ²⁵ Там же. Д. 3017. Л. 5 об.
- ²⁶ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 6180. Оп. 2. Д. 135. Л. 13.
- ²⁷ См.: Мальков В. Технический персонал в лесном хозяйстве РСФСР // Лесовод. 1924. № 1. С. 22.
- ²⁸ См.: Шульц А. Предварительные итоги работы Управления лесами за 1923–24 год // Лесовод. 1925. № 1. С. 7.
- ²⁹ ГАНИСО. Ф. 6180. Оп. 2. Д. 135. Л. 13.
- ³⁰ Полуэктов М. Лесное хозяйство губернии // Известия. Саратов. 1923. 13 сентября.
- ³¹ См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 10 об.; Работа Саратовского губплана // Нижнее Поволжье. 1924. № 2. С. 85.
- ³² См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 50 об.
- ³³ См.: ГАНИСО. Ф. 6180. Оп. 2. Д. 142. Л. 16 об., 30, 59 об.
- ³⁴ См.: Овсянников В. О казённой лесной страже // Лесной журнал. 1916. Вып. 7–8. С. 876–877.
- ³⁵ ГАНИСО. Ф. 6180. Оп. 2. Д. 142. Л. 59 об. – 60.
- ³⁶ Полуэктов М. Указ. соч.
- ³⁷ ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 3017. Л. 6 об.–7.
- ³⁸ Там же. Д. 4568. Л. 7–7 об.
- ³⁹ Тенета И. Опыт статистического обследования порубок в Саратовской губернии... С. 77.
- ⁴⁰ См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4568. Л. 6 об.
- ⁴¹ Лес крестьянам // Известия. Саратов. 1925. 15 мая.
- ⁴² ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 35 об.
- ⁴³ Там же. Л. 36.
- ⁴⁴ Павлов. Необходимо упорядочить охрану лесов // Известия. Саратов. 1926. 27 июля.
- ⁴⁵ Самовольные порубки не прекращаются. Необходимо увеличить штрафы // Известия. Саратов. 1927. 1 января.
- ⁴⁶ ГАНИСО. Ф. 6180. Оп. 2. Д. 135. Л. 130 об.
- ⁴⁷ ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 3017. Л. 6 об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 4568. Л. 25 об.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ См.: Тенета И. Опыт статистического обследования порубок в Саратовской губернии... С. 78.
- ⁵¹ См.: Зоркий. С лесом неблагополучно // Известия. Саратов. 1925. 17 марта.
- ⁵² См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 92 об.
- ⁵³ См.: ЦГАСО. Ф. Р-3547. Оп. 1. Д. 41. Л. 311.
- ⁵⁴ См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4568. Л. 25 об.
- ⁵⁵ См.: Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 98. Л. 203 об.; Д. 186. Л. 68 об.
- ⁵⁶ См.: ЦГАСО. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 4694. Л. 50.
- ⁵⁷ ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 41; Д. 4568. Л. 18 об.
- ⁵⁸ Там же. Д. 4568. Л. 18.
- ⁵⁹ Там же. Л. 18 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 55.
- ⁶¹ Подсчитано по: Государственный архив Пензенской области. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 3558. Л. 26, 29.
- ⁶² См.: ЦГАСО. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 3785. Л. 6.
- ⁶³ Подробнее см.: Воейков Е. В. Деятельность Саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений и состояние лесного фонда Саратовской области в предвоенные годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 481–486.

Образец для цитирования:

Воейков Е. В. Лесной фонд Саратовской губернии в 1920-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 116–121. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-116-121>

Cite this article as:

Voyeikov E. V. The Forest Fund of the Saratov Province in the 1920s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 116–121 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-116-121>